
ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

«СКАЗАТЬ ВСЮ ПРАВДУ...»

Александр Николаевич Островский (1823—1886) — прославленный драматург, создатель русского национального театра. «Русский Шекспир» — так называли Островского современники, подчеркивая мировой масштаб его таланта.

Островский блистательно выступил как яркий самобытный писатель, поразил современников новизной открытых им для литературы персонажей и типов. «На покинутое Гоголем добровольно вакантное место выступил достойный последователь и прямой наследник его, с выработанным новым взглядом на русскую жизнь и русского человека, с особенным преимуществом знатока великорусского народного быта и его, несомненно, верных и до тонкости изученных национальных свойств, а в особенности отечественного языка в изумительном совершенстве», — справедливо утверждал писатель и этнограф С. В. Максимов (1831—1901).

«Русского Шекспира» еще называли «купеческим Шекспиром». Он также хрестоматийно известен как «Колумб Замоскворечья», то есть первооткрыватель в отечественной драматургии особого уклада жизни этой части Москвы, которую населяли зажиточные купцы, мелкий торговый люд, приказчики, ремесленники-кустари, мещане, небогатые чиновники, стряпчие. И сам Островский родился в Замоскворечье, в семье чиновника — выходца из священнической среды, впоследствии дослужившегося до дворянства. Здесь будущий писатель провел детство и юность. Так что жизнь замоскворецких обитателей, которых драматург впервые вывел на русскую сцену, он знал доподлинно: «Я знаю тебя, Замоскворечье, я сам провел несколько лет жизни в лоне твоём, имею за Москвой-рекой друзей и приятелей и теперь еще брожу иногда по твоим улицам. Знаю тебя в праздники и будни, в горе и радости, знаю, что творится и деется по твоим широким улицам и мелким частным переулочкам».

В орбите внимания писателя не только купечество, но и все социальные слои и условия России второй половины XIX столетия. Пьесы Островского населяют мелкие торговцы и крупные капиталисты, мелкотравчатые и высокопоставленные чиновники, дворяне и простолюдины, мещане и разночинцы, труженики-интеллигенты, учителя и студенты, актеры и странники, свахи и приживалки, военные, ростовщики, люди без определенных занятий — «вольнопрактикующие» и «праздношатающиеся».

Драматург создал 47 оригинальных пьес. Подсчитано, что в драмах Островского действуют 728 героев. Причем это не схематичные, условные персонажи, а живые, яркие, полнокровные личности. Каждый образ психологически точно и социально выверен, раскрыт через его персональную речевую характеристику. В сюжетах и драматургических конфликтах нашли верное отражение самые важные события и явления

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы.

русской духовной и общественной жизни, особенности национального характера, индивидуальное своеобразие человеческих натур. Это настоящий литературный подвиг писателя.

Островский всецело посвятил себя драматургии и театру, жил и дышал ими, ни на что другое времени и сил не оставалось. Однако даже такой самоотверженный труд не принесил прочного материального достатка. Как, впрочем, и у многих русских писателей-классиков: например, Ф. М. Достоевского (1821—1881), Н. С. Лескова (1831—1895), при жизни испытывавших нужду, а после смерти увековеченных в памятниках.

В письме от 25 августа 1879 года Островский, отвечая на предложение, поступившее от редактора журнала «Русская старина» М. И. Семевского, об издании литературных и театральных мемуаров, признавался: «Я очень хорошо чувствую и всегда памятую, что на мне лежит долг сказать всю правду, какую я знаю, о многих лицах, принадлежащих уже истории: о литераторах, артистах, художниках... Иных я знал хорошо, с другими был близок, а с некоторыми был в самой короткой дружбе.

Я сам уже давно мечтаю, что „вот я буду писать свои воспоминания“, как это будет мне приятно, как это будет живо и правдиво, сколько нового я скажу... Но я знаю в то же время, что мечты мои так мечтами и останутся. Чтобы привести в порядок свои воспоминания и хоть только начать их как следует, нужны покой и досуг; а ничего этого у меня нет, не будет и быть не может!

С лишком 30 лет я работаю для русской сцены, написал более 40 оригинальных пьес, вот уж давно не проходит ни одного дня в году, чтобы на нескольких театрах в России не шли мои пьесы, только императорским театрам я доставил сборов более 2-х миллионов, и все-таки я не обеспечен настолько, чтобы позволить себе отдохнуть месяца два в году. Я только и делаю, что или работаю для театра, или обдумываю и обделываю сюжеты вперед, в постоянном страхе остаться к сезону без новых пьес, т. е. без хлеба, с огромной семьей, — так уж до воспоминаний ли тут! Не рассчитывайте на меня, многоуважаемый Михаил Иванович, воспоминания — для меня роскошь не по средствам».

Только в конце жизни Островскому был назначен пенсioen: «Дали белке за ее верную службу целый воз орехов, да только тогда, когда у нее уже зубов не стало», — не без горечи замечал писатель.

Он так и не оставил собственных мемуаров. Зато о нем самом сохранилось множество сердечных, уважительных воспоминаний современников: писателей, журналистов, редакторов, актеров, друзей, знакомых. Личность «патриарха русской драмы» предстает здесь в полный рост, светится громадным талантом, воодушевлением, благородством, человеческим обаянием. «Он был поистине нравственно сильный человек, и эта сила соединялась в нем со скромностью, нежностью, привлекательностью. Кроткая натура его обладала способностью огромного влияния на окружающих. Он действовал, вдохновлял, оживлял <...> Никогда и никому ни разу в жизни Александр Николаевич не дал почувствовать своего превосходства, — свидетельствовал С. В. Максимов. — <...> Такова была и та притягательная сила богатства даров, какими обладал этот отечественный писатель и истинно русский человек и какие с избытком были отпущены на его долю». М. И. Семевский с душевной теплотой вспоминал: «Никогда не забуду я отрадных вечеров, проведенных мною у А. Н. Островского. Там я видел истинно русское гостеприимство, добродушие, откровенность и нечопорных гостей».

Драматург работал буквально до последнего мгновения жизни и умер за письменным столом, не успев завершить своего заключительного труда.

В «Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время» (1881) Островский размышлял: «История оставила название великих и гениальных

только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома; такие произведения со временем делаются понятными и ценными и для других народов, а наконец, и для всего света». Это утверждение, сделанное на исходе жизни, с полным правом драматург мог бы отнести и к себе, подытоживая собственный творческий путь.

Островский родился весной, 12 апреля (31 марта по старому стилю). К собственному 50-летию юбилею писатель преподнес самому себе необычный подарок: прямо в день своего рождения завершил работу над новой пьесой. Это была *«Снегурочка»* (1873) — *«весенняя сказка»*, как сам автор определил ее жанр.

Неожиданно для всех Островский — реалист и сатирик — сочинил новаторскую, совершенно необычную для своего творчества пьесу — красивую, светлую, поэтическую. По всей видимости, рано пробудилась и долгие годы жила в душе писателя мечта о неизбежном обновлении — на началах правды и справедливости — человеческой природы и общественной жизни, которое обязательно должно наступить, как неминуемо происходит после зимнего оцепенения весеннее возрождение природы.

Уникальная в русской литературе, философско-символическая пьеса-феерия создает картину радостной, счастливой, свободной жизни в сказочной стране берендеев, которую населяет *«народ честной и добрый»*, *«народ великодушный»*. В идеальном государстве верховенствуют нравственные законы справедливости, миролюбия, благоразумия, добра, красоты и правды:

Чем же и свет стоит?
Правдой и совестью
Только и держится.

И главный смысл жизни и мироустройства — самоотверженная любовь: *«На свете все живое / Должно любить»* и *«все, что есть на свете дорогого, / Живет в одном лишь слове. Это слово: Любовь»* —

Благое чувство,
Великий дар природы,
Счастье жизни,
Весенний цвет ее.

Прославление Солнца, Правды, Любви, душевного огня, возвышенная жизнь творческого духа в *«Снегурочке»* резко контрастируют в других пьесах писателя с реалистическими картинами *«темного царства»*, в основе которого — неистовая страсть к наживе, обман и одурачивание, произвол и угнетение, подавление личности.

Тема всевластия денег как «двигателя жизни», материальной выгоды, барышей; маниакальная идея несправедливого обогащения и ее разрушительное воздействие на человеческую душу, личность, судьбу в самодержавно-капиталистической России занимают центральное место в драматургии Островского. Это наглядно подчеркнуто уже самими названиями многих произведений: *«Свои люди — сочтемся»* (*«Банкрот»*) (1849), *«Бедная невеста»* (1851), *«Бедность не порок»* (1853), *«Доходное место»* (1857), *«Бешеные деньги»* (1870), *«Не было ни гроша, да вдруг алтын»* (1872), *«Бесприданница»* (1878).

Одна из первых социально-критических пьес Островского — *«Свои люди — сочтемся»* (*«Банкрот»*) (1849) — принесла молодому автору широкую известность и признание, несмотря даже на то, что была запрещена царской цензурой к изданию и поста-

новке на сцене. Драматург открыто озвучил здесь преступные установки сильного мира сего устами купца с говорящим именем, отчеством и фамилией — Самсон Сильч Большой.

Этот якобы исполин, «хозяин жизни» заявляет: «Иуда ведь тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем». Продажность, предательство, отречение от Христа и Его идеалов любви к Богу и ближнему становятся главными директивами в деятельности таких Большовых и им подобных.

Так, например, в дебютной пьесе Островского «Семейная картина» («Картина семейного счастья») (1847) купец Антип Антипыч Пузатов не видит греха в том, чтобы обманывать не только посторонних, но даже знакомых и приятелей: «Что говорить! Отчего не надуть приятеля, коли рука подойдет. Ничего. Можно». Собеседница Пузатова, его мать вторит сыну: «А если и обманет кого, так что за беда! Не он первый, не он последний; человек коммерческий. Тем, Антипушка, и торговля-то держится. Не помимо пословица-то говорится: „не обмануть — не продать“».

Даже такие понятия, как доброе имя и деловая репутация, необходимые для успешного ведения дел, — пустой звук для алчных торгашей. У них свои извращенные представления о порядочности, добродетели, чести. Эти искаженные аморальные установки самодовольно раскрывает именитый купец Павлин Павлынич Курослепов, беседуя с градоначальником, носящим имя-характеристику Серапион Мардарыч Градобоев (его даже в глаза называют Скорпион: «Что ты ко мне пристал, не я тебя крестила! Нешто я виновата, что тебе таких имен надавали! Как ни выворачивай язык-то, все тот же скорпион выйдет»), в драме «Горячее сердце» (1869):

Градобоев. Что вы за нация такая? Отчего вы так всякий срам любите? Другие так боятся сраму, а для вас это первое удовольствие! Честь-то, понимаешь ты, что значит, или нет?

Курослепов. Какая такая честь? Нажил капиталу, вот тебе и честь. Что больше капиталу, то больше и чести.

Градобоев. Ну, мужики и выходите! Невежеством-то вы точно корой обросли. И кору эту пушкой не пробьешь.

Курослепов. Ну, и пушай!

В сатирической комедии «В чужом пиру похмелье» (1856) богатый купец Тит Титыч Брусков за ненасытную, гигантскую алчность получил прозвище Кит Китыч: «Никто, батюшка, Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами всякого обидите». Этот чудовищный «кит» готов проглотить любого, кто посмеет стать у него на пути. В этом случае всегда к услугам продажные судейские чиновники. Вот характерный фрагмент диалога Брускова и стряпчего Захара Захарыча:

Тит Титыч. <...> Можешь ты такое прошение написать, чтобы в Сибирь сослать по этому прошению?

Захар Захарыч. Кого, Тит Титыч?

Тит Титыч. Трех человек. Тебе все равно, что одного, что троих?

Захар Захарыч. Все равно, Тит Титыч.

Тит Титыч. Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку их. Я так хочу.

Островский в этой пьесе впервые открыл и описал тип человека-самодура и такое понятие, как *самодурство*, дал определение этому характерному явлению в сферах социальной и семейной жизни в России. Губернская секретарша, вдова Аграфена Платоновна беседует со своим постояльцем — учителем Иваном Ксенофонтычем:

Иван Ксенофонтыч. Что такое: крутой сердцем?

Аграфена Платоновна. Самодур.

Иван Ксенофонтыч. Самодур! Это черт знает что такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это *lingua barbara*, варварский язык.

Аграфена Платоновна. Уж и вы, Иван Ксенофонтыч, как погляжу я на вас, заучились до того, что русского языка не понимаете. Самодур — это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда...

«Мое слово — закон <...>, — безапелляционно изрекает Кит Китыч. — Что я приказываю? Ты знаешь, у меня слово — закон!»

Подобен Брускову купец Большов в пьесе «*Свои люди — сочтемся*». Выдавая за муж за приказчика Подхалюзина дочь, мечтавшую о женихе «из благородных», самодур категорично заявляет: «За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю».

Тирания самодуров держится на власти денег. Особенно страдают от нее материально зависимые от деспотов-старших младшие члены семей, подневольные молодые люди: «Дома-то радости нет, отец-то у него такой дикий, властный человек, крутой сердцем» («*В чужом пиру похмелье*»). Такие «изверги в своем семействе» («*Бедность не порок*»), как, например, хрестоматийно известные каждому еще из школьной программы по литературе купец-«ругатель» Дикой и ханжа-изуверка Кабаниха в знаменитой драме «*Гроза*» (1859), показаны во множестве пьес Островского.

Так, например, Курослепов в пьесе «*Горячее сердце*» до того измучил собственную дочь, что она отважилась убежать из дома, подальше от тирании тупого отца и развратной мачехи. Прасковья — честная, искренняя, отзывчивая девушка с горячим сердцем, по типу характера схожая с Катериной в «*Грозе*», — «без спросу» решила пойти на богомолье. «Уж эта ли девушка не обижена, а тут вы еще. Дома ее заели совсем; вырвалась она кой-как <...> пошла Богу помолиться, у Него защиты попросить...» — заступает за героиню ее сердобольный крестный.

Но Курослепов организует погоню за дочерью, словно за беглой крепостной: «Так отец, с сонных-то глаз, по мачехину наученью, давеча поутру велел городничему изловить ее да на веревке, с солдатом по городу провести для страму; да в чулан дома запрут ее на полгода, а то и на год». «Потому... за непочтение, чтобы чувствовала...» — заявляет самодур отец.

Патриархальный купеческий уклад ушел в прошлое. Сейчас все эти длиннородые «*купчины толстопузые*» в подпоясанных широкими кушаками кафтанах, стеганых поддевах и смазных сапогах, представленные в живописных картинах стародавнего быта за непременно ведерным самоваром, кажутся слишком диковинными, причудливыми, архаичными. Однако истовое служение не Богу, а мамоне делает их узнаваемыми и сегодня. Смысл коммерческой деятельности этих лавочников и лабазников заключался в том, чтобы смошенничать, обмерить, обвесить, обсчитать, обмануть покупателя, пусть даже в мелочах. Такие нечистые на руку, мелочные плуты торгаши до сих пор встречаются на каждом шагу.

Но особенно выделяются в наши дни типы буржуа и капиталистов, которых вывел Островский на смену своим ранним героям — старозаветным, невежественным, «диким» купцам. Новое поколение предпринимателей обрело иной размах. Капиталисты, «которые грубо наживают и называют себя деловыми людьми», уже не озабочены копеечной выгодой, они ворушают миллионами.

Так, для промышленника Василькова в пьесе «Бешеные деньги» (1870) полмиллиона рублей — «это ничего». Промотающий состояние дворянин-бездельник Телятев с удивлением готов признать российского коммерсанта чуть ли не родней банкирского клана Ротшильдов:

В а с и л ь к о в . А что ж нужно для того? Какие качества?

Т е л я т е в . Такие, каких нет у нас с вами.

В а с и л ь к о в . А позвольте, например?

Т е л я т е в . А например: полмиллиона денег или около того.

В а с и л ь к о в . Это ничего...

Т е л я т е в . Как ничего! Батюшка вы мой! Да что ж, миллионы-то как грибы растут? Или вы Ротшильдам племянник, тогда и разговаривать нечего.

Эти новые хозяева жизни получили образование, обрели европейский лоск. Таковы коммерсанты в знаменитом шедевре Островского «Бесприданница» (1878): «Василий Данилыч Вожеватов, очень молодой человек, один из представителей богатой торговой фирмы; по костюму европеец»; «Мокий Парменыч Кнуров, из крупных дельцов последнего времени, пожилой человек, с громадным состоянием». Неважно, что пожилой «денежный мешок» носит стародавнее имя, напоминающее о «диких» купцах в прежних пьесах драматурга. Реплика выразительно демонстрирует иной уровень: «Слева выходит Кнуров и, не обращая внимания на поклоны Гаврилы и Ивана, садится к столу, вынимает из кармана французскую газету и читает». Кнуров и Вожеватов на протяжении пьесы несколько раз обсуждают предстоящую поездку в Париж, на выставку, где их давно ждут.

Сродни Кнурову «Флор Федулыч Прибытков, очень богатый купец, румяный старик, лет 60, гладко выбрит, тщательно причесан и одет очень чисто», в драме «Последняя жертва» (1878). Этот торговец с совсем несветским именем имеет абонемент в ложах самых блистательных театров, посещает дорогие представления с участием иностранных знаменитостей. «Росси изволили видеть? <...> Хороший актер-с», — говорит Прибытков своей собеседнице, аттестуя итальянского корифея Эрнесто Росси, который часто гастролировал в России. Тот же купец с сожалением заявляет о прославленной итальянской оперной певице, неоднократно выступавшей на русской сцене: «Патти не приедет-с». Кроме того, Прибытков — ценитель живописи, коллекционер дорогостоящих полотен:

И р и н а . <...> Это у вас новая картина в зале?

Ф л о р Ф е д у л ы ч . Недавно купил на выставке-с.

Л а в р М и р о н ы ч . Оригинал?

Ф л о р Ф е д у л ы ч . Я копий не покупаю-с.

В то же время расчетливый делец Прибытков (фамилия характеризует его как нельзя лучше) никогда не станет бросать деньги на ветер, ничего не сделает без выгоды. Он беспощаден к должникам, отправляя их в долговую тюрьму: «Угодно вам будет деньги заплатить, или прикажете представить их ко взысканию? Один Монте-Кристо на днях переезжает в яму-с, так, может быть, и другому Монте-Кристо угодно будет сделать ему компанию?»

Когда приглянувшаяся ему молодая вдова Юлия Тугина умоляет богатея дать ей денег взаймы, он отвечает категорическим отказом:

Ю л и я . Не мучьте вы меня. Спасите, Флор Федулыч, умоляю вас!

Ф л о р Ф е д у л ы ч . Не могу-с; у меня деньги дельные и на дело должны идти.

Тут, может быть, каждая копейка оплакана, прежде чем она попала в мой сундук, так я их ценю-с.

Точно так же делец ценит свое время. Приглашая Юлию на обед, Прибытков обозначает строгие временные рамки: «Милости прошу откусать как-нибудь. Я всякий день дома-с; от пяти до семи часов-с, больше времени свободного не имею-с».

Он готов раскошелиться, но исключительно в своих интересах. Старый сластолюбец, неравнодушный к женскому полу: «очаровательность женскую понимаем», — хочет просто купить расположение Юлии. И она это отчетливо понимает: «Да ведь эти люди даром ничего не дают. Он действительно осыплет деньгами, только надо идти к нему на содержание».

Таков же Кнуров в «Бесприданнице». Пользуясь отчаянным положением, в котором очутилась Лариса, женатый старик предлагает девушке стать его содержанкой: «Не угодно ли вам ехать со мной в Париж на выставку? <...> И полное обеспечение на всю жизнь? <...> Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит: я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления».

Кнуров не скупится, потому что для него Лариса, ее молодость, красота, душа, честь, жизнь и судьба — тот же товар, только дорогостоящий: «Дорогой бриллиант дорогой и оправы требует. <...> И хорошего ювелира». «Всякому товару цена есть» — таково убеждение денежных воротил, уверенных в том, что все на свете — даже нематериальное, духовное — продается и покупается. По сути, это антихристианская, сатанинская позиция.

Дельцы лишены души, не знают любви. Сердечные чувства заменил черствый, холодный расчет. Вот Кнуров и Вожеватов прикидывают, кому из них может достаться Лариса, разыгрывают ее в орлянку, смотрят как на «вещь». Стоимость этого «товара» сопоставляется с ценой парохода «Ласточка»:

К н у р о в . Ну да, толкуйте! У вас шансов больше моего: молодость — великое дело. Да и денег не пожалеете; дешево пароход покупаете, так из барышей-то можно. А ведь, чай, не дешевле «Ласточки» обошлось бы?

В о ж е в а т о в . Всякому товару цена есть, Мокий Парменыч. Я хоть молод, а не зарвусь, лишнего не передам.

К н у р о в . Не ручайтесь! Долго ли с вашими годами влюбиться; а уж тогда какие расчеты!

В о ж е в а т о в . Нет, как-то я, Мокий Парменыч, в себе этого совсем не замечаю.

К н у р о в . Чего?

В о ж е в а т о в . А вот, что любовью-то называют.

К н у р о в . Похвально, хорошим купцом будете.

Таковы дельцы и в семейных отношениях. Продают самих себя без любви «миллионным невестам», как, например, «Сергей Сергеич Паратов, блестящий барин, из судохозяев, лет за 30», в «Бесприданнице»:

П а р а т о в . Что такое «жаль», этого я не знаю. У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно. А теперь, господа, у меня другие дела и другие расчеты. Я женюсь на девушке очень богатой, беру в приданое золотые прииски.

В о ж е в а т о в . Приданое хорошее.

П а р а т о в . Но достается оно мне не дешево: я должен проститься с моей свободой, с моей веселой жизнью; поэтому надо постараться как можно повеселей провести последние дни. <...> Отец моей невесты — важный чиновный господин; старик строгий: он слышать не может о цыганах, о кутежах и о прочем; даже не любит,

кто много курит табак. Тут уж надевай фрак и *parlez français!* {Говорите по-французски!} (*показывая обручальное кольцо*). Вот золотые цепи, которыми я скован на всю жизнь.

В пьесе «*Последняя жертва*» красавчик дворянин Дульчин, обещавший жениться на безумно влюбленной в него Юлии Тугиной, бросил молодую вдовушку, когда выудил и проиграл в карты все ее состояние. Этот азартный игрок и мошенник собирается поправить свое финансовое положение женитьбой на внучке Прибыткова Ирине, ошибочно принимая ее за богатую наследницу. Однако узнав, что большого приданого за Ириной не дадут, немедленно оставляет невесту. Промотавшийся вконец Дульчин готов продать себя в мужа немолодой купчихе-миллионерше и обращается за содействием к свахе:

Дульчин. <...> Попробую еще пожить немного. Глафира Фирсовна, у Пивокуровой много денег?

Глафира Фирсовна. Миллион.

Дульчин. Сватай мне вдову Пивокурову.